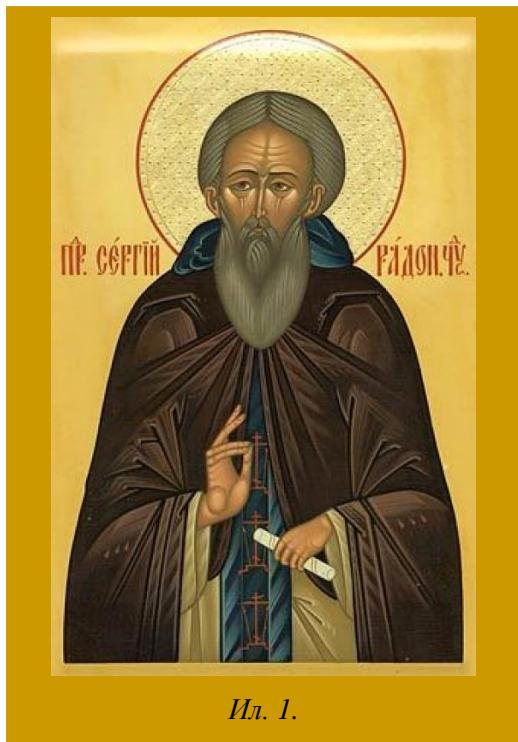

"Русская идея" от преподобного Сергия

От редакции

Ил. 1.

В этом году Россия празднует великую дату своей истории – 700-летие рождения Великого Игумена земли российской преподобного Сергия Радонежского. Предлагаем вниманию читателей фрагмент из статьи нашего безвременно ушедшего коллеги религиозного философа и культуролога А.Г. Шубакова «"Русская идея" от преподобного Сергия» (2003). Высокий уровень религиозно-философского осмысления роли и места Сергия Радонежского в русской истории и культуре, значимости великого подвига собирателя русских земель делает ее актуальной и по сей день. Именно поэтому мы сочли необходимой ее публикацию в этот юбилейный сергиевский год с целью

продемонстрировать возможность реального претворения преемственности как в самом понимании огромных преобразовательных возможностей "Русской Идеи", так и ее роли в становлении русского самосознания наших дней.

Проблема определения "русской идеи" осознана и поставлена в наше время на государственном уровне в государстве с более чем 1000-летней историей, религией и культурой. Создание новой национальной идеи, объединяющей все слои общества, действительно актуально и жизненно, насущно необходимо. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: а не уместно ли прежде обратиться вглубь истории, к истокам становления, способам преосуществления преемственности и попытаться увидеть в них духовную, культурно-историческую основу, скрепленную веками, на которой может быть построена Русская идея нашего многострадального времени. Наконец, обратившись к прошлому, увидеть в его пантеоне великих ту реальную, историческую фигуру – носителя, выразителя и строителя Русской идеи, которая уже выполнила задачу собирания и единения земли Русской как на духовном уровне, так и в практическом плане (Куликовская битва). Такой фигурой, безусловно, является Сергей Радонежский – игумен земли Русской. Историк В.О. Ключевский писал: "При имени Преподобного Сергия народ

вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что *политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной (выделено ред.)*. Это возрождение и это правило – самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите его от них – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга".

канд. филос. наук А.А. Захарян,

канд. филол. наук А.И. Обидин.

"Русская идея" от преподобного Сергия

Преподобного Сергия Господь уготовал быть игуменом всей земли Русской. Верим, что и поныне предстоит он Престолу Вседержителя как горячий молитвенник и неустанный ходатай за всю Русскую землю...

Преподобный Сергей Радонежский, являясь образцом монашеского подвига, внес также неоценимый вклад в государственное устройство нашего Отечества.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Ему, смиренному труженику на ниве Господней, всегда избегавшему почестей и знаков власти, как светской, так и церковной ...Промыслом Вседержителя было уготовано стать центром важнейших событий эпохи – событий, на века определивших судьбы нашего народа и всей нашей земли.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Преподобный Сергей – о Имени Твоем сотворим силу

Исторические обстоятельства рождения преп. Сергия и его возрастания в предстоянии пред Господом Богом больше известны под знаком татаро-монгольского ига. Отец преподобного, преподобный Кирилл, по упоминаниям хроник и жития, бывал в Орде в качестве боярина ростовского князя.

Специфика восточных завоеваний в том, что всякий несопротивляющийся народ может быть присоединен к основному этносу, ассимилирован и стать "своим". Всякий

сопротивляющийся по меркам восточного мировосприятия есть "чуждый" и подлежит истреблению как военная сила, как силовая единица. Сопротивление в глазах восточных владык никогда не представало как средство заключить мирный договор на тех или иных условиях подчинения и относительной потери самостоятельности. "Силовое" мировосприятие Востока могло решать хозяйственные, политические и т.д. проблемы только при условии силовой однородности этноса (олицетворяемой кланом Чингисидов) и безусловной подчиненности всех других сил. Поэтому вторжение татаро-монгольских завоевателей в регионы достаточно цивилизованного мира, где так или иначе существовали многовековые традиции отношений между народами, стало катастрофой для многих.

В русской душе этот период закрепился не только как историческое памятование о печальных и ужасных событиях. "Агаряне", "агарянство" и т.п. в песнопениях нашей Церкви являются также и духовными представлениями, культурными категориями, наряду с такими, как "иудаизм", "язычество". В средневековой Руси также различали и отделяли от себя "Византию", "Рим", протестантские страны. Этот, так скажем, страноведческий подход в тогдашнем мировоззрении был очень развит. Но, кроме этого, как с апостольских времен христианам предписывалось духовное преодоление иудейства, таким же образом победа над агарянами, не столько военная, сколько духовная, становится признаком истины русского православия. И дело тут не в "реках" крови и слез, которыми пришлось заплатить за победу. Русь смогла извлечь урок из своего поражения и, потому, в дальнейшем победить.

В связи с этим внутреннюю победу над агарянством нельзя считать малозначимым обстоятельством для преподобного, недостойным упоминания в жизни, полной святых деяний. Точно так же, вряд ли без этого можно говорить о благословении на Куликову битву и о молитвенном предстательстве во время оной.

Трудно сказать, когда и по каким причинам в народной душе татаро-монголы были отождествлены (или идентифицированы) с агарянами. (Собственно монголы оказались вне досягаемости ислама. Киргизов зачислила в разряд мусульман по "доброте душевной" просвещенная Екатерина II. Она же "подарила" татарам Думес – духовное управление, что не отвечает никаким исламским традициям). Но Русь с мусульманством знакома давно. Повесть временных лет под 6495 (987) годом сообщает о результатах посольства князя Владимира к болгарам магометанской веры с целью испытания "кто как служит богу": "нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их". Эти же послы отвергли католическое служение, ибо "красоты не видели никакой".

Следует отдавать себе отчет, что термин "красота" вовсе не эстетический, в смысле Баумгартена, как полагают многие современные исследователи [например, Г. Прошин – 1, с. 28], но "домостроительный", относящийся к Божественному домостроительству. Если переводить этот ответ на современный язык, то он звучит – у них в службе Богу неразбериха и беспорядок, нет благоустроения. Про греков послы сказали: "пребывает там Бог с людьми и служба их лучше, чем во всех других странах".

Текст Повести рассказывает именно об испытании веры, а не о слепом принятии. Происходило целенаправленное действие по выработанному заранее боярами критерию: посылаются десять мужей узнать, "какая у них служба и кто как служит Богу". Тем самым, во-первых, Промысл Божий осуществляется в условиях свободного выбора и критического анализа, как сказали бы современные ученые. Во-вторых, сопоставление по вопросу как служат Богу означает интерес не столько к тому, как предстоят пред Господом Богом, приносят жертвы и вступают в богообщение, исполняют Его законы, сколько к тому, как обретается благодать пред Богом, как служащие ходят в силе и славе своего Господа.

Отсутствие веселия в служении у магометан говорит послам, что закон их не добр.

Повесть временных лет под 6494 (986) годом сообщает ответ князя Владимира "иноземцам из Рима": "Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого". Ссылка на "отцов", по видимости, намекает на предшествующие миссионерские визиты латинян, может быть, не только на Русь, но и к отдельным группам Варягов. В целом же отношение послов к латинскому служению, как выше говорилось, вызвало характеристику как неблагоустроенного и невразумительного. <...>

Принятие "греческой веры" вовсе не свидетельствует о принятии византийского мировоззрения, в том числе по вопросам отношения церкви, государства и этнокультуры. Ведь испытание того, "как служат Богу" есть в то же время рассуждение о воле Божией в отношении себя, претензия на определенную избирательность по отношению к себе. По крайней мере в известной культурной истории человечества ничего подобного не фиксируется. Известны только попытки целенаправленной модернизации старых верований, а в новейшей истории – попытки различного синтеза религий и верований. В качестве курьеза можно припомнить "высшее существо" и поклонение ему у якобинцев времен французской революции [2, с. 293–295] или догматическое недоразумение в виде униатства.

Русские летописи, сообщая о крещении равноапостольной великой княгини Ольги, приводят и осмысление этого факта. Так, сообщается, что византийский император,

пораженный ее красотой и умом, предложил ей стать его женой. (Фактически этого не могло быть по возрастным характеристикам обоих, как фиксируют подсчеты некоторых исследователей). Однако здесь важен именно смысл. После крещения св. Ольга отвергает предложение на том основании, что во время крещения император, обладавший некоторыми священническими прерогативами и будучи ее восприемником, назвал ее дочерью, а на дочерях не женятся. В святоотеческой традиции (ср. канон св. Андрея Критского) "жена" трактуется как деятельность, совершающаяся под руководством ума ("мужа"). "Дочь" же – самостоятельный побег, новая отрасль от материнского корня. В этом летописном ответе св. Ольги налицо утверждение о самостоятельном значении Русской Церкви.

Примечательно и определение первого архиерейского собора после установления татаро-монгольского владычества во Владимире в 1274 году. Оно говорит, что само нашествие и разорение Русской земли есть наказание за подражание эллинам. Буквально говорится: "Помрачени бо беху облаком мудрости еллинскаго языка" [3, с. 131, прим. 8].

На истории и решениях Стоглавого Собора нет нужды останавливаться. А последние яркие обсуждения вопросов о самостоятельном призвании Русской Церкви можно найти в материалах в связи с расколом и процессом над патриархом Никоном. После Отечественной войны 1812 года проблематика собственного предназначения России и Русской Церкви возобновилась, но уже в контексте идей, навеянных с Запада.

В целом, все эти искания собственного призвания Руси укладываются в известную мировоззренческую формулу определения места своего этноса во Всемирной истории. Под эту задачу написано "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, с нее начинаются первые летописи. К сожалению, в этом мировоззренческом ключе начинает терять свое значение проблема "как служить Богу". Необходимость признать татаро-монгольское нашествие за изъявление воли Божией, принять в качестве наказания, снова выдвинула эту проблему на первое место.

Татаро-монгольское нашествие воспринималось на Руси, несомненно, сквозь призму библейской истории, в которой нападение и покорение одним народом другого предстает как наказание от Господа Бога с целью вразумления и обличения грехов своих людей. Восстановление после поражения, избавление от врагов и победа над победителями предстает как принятие судов Божиих, усвоение преподанного урока. Принятие наказания в качестве ниспосланного за грехи и есть на деле испытание воли Божией о себе, первый шаг на пути определения собственного служения Господу, которое одновременно станет обретением определенного избранничества. Поскольку получение

какой-либо службы у Владыки означает и определенное приближение к Нему, получение известного достоинства.

Восстановление русского этноса, специально подчеркнем, должно было происходить в условиях совершившегося поражения и наличного татаро-монгольского ига, иноземной власти. Этим исключается обычная последовательность межэтнического конфликта: противостояние с отстаиванием собственной правды; выявление или обличение неправды врага, или же собственной; силовое взаимодействие, или конвенциональное соглашение о взаимных уступках; победа (поражение), или – исполнение принятых обязательств; и т.п. Поражение уже состоялось, и побеждать надо в условиях действующего наказания. Чтобы стать победителем победителя, нужно выявить в себе такую правду служения Господу Богу, престояния пред Ним, социальное тело которых, то есть этническая общность и государственная власть, было бы носителем этой победы, содержало бы в себе эту победу.

Преподобный Сергей, его ученики и другие представители русской святости выполнили эту задачу. Преп. Сергей, как и предсказывалось о нем, стал "обителем и слугой Святой Троицы" [4, с. 18], учеником Святой Троицы, также многих собрал и научил веровать в Святую Троицу ([4, с. 34–35]. Он с учениками приложил много усилий для собирания русских земель вокруг Москвы и для создания Московского царства.

Зададимся для начала вопросом, а что собственно должно преодолеваться в агарянстве? А точнее – что в этническом теле (или какое тело) служения Св. Троице превозмогает дух агарянства? <...>

Становясь участником джихада, мусульманин вступает в "партию Бога" и получает тем самым избранничество свыше, проливая кровь за веру и истину ислама. "Джихад есть "фарз-и-кифая", то есть обязанность, которая может быть совершена и не всеми членами общины, а лишь выборными от нее, но когда стеснены со всех сторон неверными, джихад перестает быть кифая и становится обязательным для всех" [6, с. 227]. Если же неприятель нападет на мусульманскую страну, "тогда женщина да выступает без позволения мужа и раб без позволения господина, провозглашает закон" [6, с. 264]. Каждая молитва защищающего границы уподобляется 500 молитвам сидящего дома. Павшие в этой борьбе приравниваются к мученикам. Им прощаются все грехи, даруется избавление от страшного суда и вечных мук, им дается в раю венец славы, они получают там в супруги 70 чернооких гурий, им даруется ходатайство за 70 грешников [6, с. 227]. Основателю ордена сенуситов принадлежат слова: "годы греха простятся им во имя минуты отмщения". А кавказские мюриды полагали, что намаз (молитва), совершаемый

на земле неверных, ничего не значит, мусульмане должны или уйти в святую землю, или освободить свою страну от неверных, но в любом случае время всемирного халифатства близится [6, с. 220–221]. Главный лозунг современных "братьев-мусульман": "Аллах – наша цель, пророк – наш вождь, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, и смерть на пути Аллаха – наша наивысшая мечта" [7, с. 64].

Таким образом, только участник джихада может освободиться от влияния уммы и проявить личное послушание Богу. "Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло – поистине Аллах знает, а вы не знаете" (Коран 2, 212–213, 216). Для тех же, кто избегает крови, есть еще не менее опасный путь личного общения с Богом – суфизм, путь мистического гнозиса.

Тенденции, возникшие в мусульманском мире в XX веке, характерны отходом от "протонационализма", как общего объединения против врагов ислама под флагами халифата [8, р. 114] в сторону создания мусульманской уммы (социума) уже с учетом национальных (этнических) интересов отдельных стран.

Перед преп. Сергием стояла задача невероятной сложности. Необходимо было избрать такое служение Господу Богу, социальное или этнокультурное тело которого могло бы преодолевать агарянство, содержало бы в себе духовную победу над ним. Только в этом случае ниспосылается помощь свыше. Необходима была такая организация церковной жизни, чтобы Церковь являла знамения победы над агарянством в русском социуме, воплощала бы и демонстрировала преодоление над победителем в самом этнокультурном материале.

Таковым явлением победы над победителем, национальным воплощением силы и истины своего служения Господу стала идея самодержавия как идея предстояния, служения Ему согласно Его воле. Отметим, подчинение воле Господа должно выражаться в волеизъявлении самого социума, того, как люди относятся друг к другу. Это и есть "царскость" или самодержавие. В них послушание воле Божией является врожденным свойством. Явление, становление и развитие самодержавия заключается в считывании записанного в его естестве следования воле Господа своего. (Современная проблематика соотношения текста Писания и следования воле Господа может звучать как проблематика послушания старцу и выбора такового по критериям текстов Писания и свв. Отцов. – См., например, 9, с. 4.)

Воспитание подрастающего поколения или идентификация себя в качестве члена социума самодержавия со стороны других народов состоит в усвоении требуемого

социумом образа волеизъявления и в уподоблении своей воли царскому служению в известных рамках. В ответе "есть" своему Господу, в "да будет воля Твоя" – любящему Отцу отпечатлена сущность царского социума, который в то же время есть и царская семья. Усвоение самодержавия, уподобление своей воли истинному волеизъявлению естественным образом включает "школу царизма", то есть царское самодержавие как соответствующее начало в самом социуме и период обучения самодержавности посредством реально царствующей династии.

В культурно-генетической памяти человеческой – как всего этноса, так и членов его – напечатлеваются уроки этой школы. Данные напечатления и задают устройство, структуру, каркас общения (взаимодействия) членов данного этноса. Они – напечатления уроков воли к истине – считаются в общении и других коммуникативных процессах, образуют нарративы (от англ. – narrative), то есть последования или развертки, актов общения в речевой форме. Действующее слово, или словесное действие – язык как раньше называли этнос – составляет существо общения. Если человек сообразует свою волю с волей божественной и язык (речь) его исполнен премудрости, то сердце его (земля души его) износит словеса истины, приносит добрый плод. В этом случае общение об истине становится взаимным укреплением людей, построением справедливого социума. Если же бодрствующим сердцем и трезвым умом весь человек в целом – как личность – возрастает как плод словесного бытия, то он становится действительным членом Церкви – тела Христова (Кол 1, 24).

В агарянстве откровения воли Божией быть не может. То есть, воля Бога дается не в слышании Его повелений, не в послушании (ударение на втором слоге), но чрез усвоение закона – или уразумения (собственным разумом) откровений, данных Мухаммаду. И это уразумение объявлено законченным – двери идистихада давно закрыты.

Поэтому в культурно-генетической памяти мусульман, исповедующих религию закона, записан (и продолжает записываться) опыт собственного разумения. Опыт познавательного уразумения и покорного усвоения закона состоит в отрицании достигнутых частных результатов на этом пути во имя истины исполнения всего шариата в целом. По отношению к конкретному индивиду – это опыт собственной негации, опыт "умирания" в законе, поскольку откровения (и, соответственно, воскресения) не предвидится. На деле здесь возвещается смерть закона, в котором невозможно восстановление человека. Этот смертельный опыт собственного неподобия истине,

записанной в мире его Творцом, есть попытка посредством своей смерти вынудить Творца дать познание истины, отдать еще одну запись тайны закона. Прелесть и пленяющее очарование такого "вожделения смерти" заключена в том, что в этом через негацию себя подчинению закону можно познавать, как считается, еще что-то, но не исполнять этого, то есть сохранять себя в неизменном, непреобразованном качестве. В раю мученику за веру дается в награду то, о чем в этой жизни и думать-то запрещено.

Французский постмодерн середины XX века настаивает на возможности текстуальных уподоблений (симулякр) реальностям жизни, текст при этом должен быть авторским жертвоприношением. В жертвоприношении допускается то, что в обычной жизни считается непристойностью, бесчеловечностью, жестокостью и т.п. Жорж Батай претендовал на владение дискурсом, текстуальным движением в неподобиях жизни и в подобиях смерти [10]. Постмодерн словами М. Фуко констатирует: "Текст стал реальностью. Литература стала самой жизнью. И она есть бесконечный апокалиптический текст... текст лишь игра, в которой автор берет на себя роль мертвеца" [11, с. 4]. Приведем также оценку постмодерна того же Мишеля Фуко, чтобы читатель смог почувствовать специфику семиотического (знакового) вожделения "жизни в тексте": "слово, которое мы дали сексуальности, по времени и по структуре совпадает с тем словом, которым мы возвестили себе, что Бог мертв... эта смерть образует отныне постоянное пространство нашего опыта. Смерть Бога, отняв у нашего существования предел Беспредельного, сводит его к такому опыту, в котором ничто уже не может возвещать о внешности бытия, стало быть, к опыту внутреннему и суверенному. Но такой опыт, в котором раздражается смерть Бога, своей тайной и светом своим открывает собственную конечность, беспредельное владычество Предела, пустоту его преодоления, в котором он изнемогает и изменяет себе. В этом смысле внутренний опыт – целиком опыт невозможного..." [10, с. 114–115].

Но в отличие от современного француза мусульманин во все времена свой личный опыт усвоения закона должен воплощать в социуме, в общении с такими же правоверными. Поэтому вожделение смерти как иступление души превращается в джихад во имя Аллаха, а смерть предлагается читателю, то есть "чужому" для мусульманской общины. Именно неотличимость и неразделимость в исламе личного от своего предназначения в общине, внутреннего от социального порождает непостижимый для Запада результат: 1) мусульманин всегда прав, он правоверный, он следует только истине, его личное оправдание есть истинная воля Бога, 2) он имеет право, в силу собственной правды, владеть вещами, людьми, странами и миром. Соответственно, мир

может быть, в конечном счете, только Дар-аль-Ислам. Для "другого" остается только принуждение к истине.

Такое мировосприятие и мироотношение следует охарактеризовать как отпадшую волю, следование похотениям сердца своего. В этой воле не только нет подобия Божией воли, любви к Богу от соединения своей воли с Его волей. Здесь теряется и образ Божий, поскольку мир воспринимается с точки зрения иных сил. Отпадшее состояние человеческой воли присуще не только агарянству как культурно-историческому явлению, но оно подстерегает и каждого, полагающегося на собственный разум. Современное наслаждение прагматизмом и рационализмом содержит в себе неизбежность глобальных потрясений, эволюционных рисков и катастроф [12; 13].

В контексте сказанного становится понятным, что преодоление агарянства требует, во-первых, такой власти Церкви над общиной, которая бы превозмогала социум. Божии заповеди и церковные установления не должны прочитываться ни в качестве, ни в контексте, ни в значениях социальных законоположений и коммуникаций. Ибо социальное, то есть идущее от взаимодействия членов той или иной общности и ради удовлетворения общих потребностей, противоречит воле Божией и избранному этносом служению. Не отверг ли Бог премудрость и разум мира сего (1 Кор 1, 19–20)? Власть церкви над социумом должна проявляться в самодержавной власти в социуме, то есть независимой от последнего. Царская воля есть послушание воли Божией, есть явление услышания слов Бога, – сердце царево в руке Бога.

Во-вторых, сама эта власть должна быть иной природы по сравнению с природой закона социального, основывающегося на человеческом разумении закона Божьего, основывающегося на прочтении последнего, то есть на интерпретативном воссоздании в себе Божьих установлений, на, так сказать, авторизированной версии их. Действие царской власти построено не на понимании (овладении в том или ином виде), или – на человеческом соавторстве Богу. "Говорил Господь Иову из бури и облаки... – Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь" (Иов 38, 1, 4). Это – не власть социального оправдания, социальной санкции или разрешения чего-либо. Это – власть явления слова Божьего, власть обладания под над пришедшим в бытие. Прочтение явившегося в том или ином виде слова Божьего вменяет в вину его исполнение. "Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем" (Ин 15, 22). Дело самодержца слушать Царя Небесного и прославлять Его своими делами. Следовательно, царская власть суть словесной природы; если благодать посетила самодержца, то из сердца его исходят слова истины, которые действительны

(действуют) уже в социальном общении. Поэтому социум преобразуется и развивается согласно воле Зиждителя. <...>

Западная христианская община присваивает себе власть выбирать из предписываемого Церковью то, что ей удобнее, кажется своевременным, отлагая исполнение другого на лучшие времена. Тем самым, приобретает социальный произвол по отношению к Церкви и произвол церковной власти в отношении социума. Достаточно просмотреть историю борьбы католицизма с ересями, клонийское движение за очищение церкви, возникновение орденов иезуитов, доминиканцев и др., появления протестантизма и т.д. Постепенно обсуждение, право на суд и свобода выбора заполняют словесность Запада, негируют папоцезаризм, подготавливая почву для языческого установления – демократии.

Учительская (пропедевтическая, то есть вводящая в предмет) или руководящая власть Церкви в Византии воплощается в рамках древнегреческого понятия образования – пайдейя. Раб-педагог ведет своего молодого господина в училище знания – вот зрительный образ этого понятия. Эту парадигму образования как предварительного "эксперимента на себе" на низких уровнях воспроизводят многие культуры Востока, например, в буддизме требуется предварительно "переживать" суждение мысли в акте непосредственного созерцания [14, с. 122]. Церковь, руководствуясь к истинному разуму и сообщая образ истины, использует волю и устройство социума, то есть ради полноты образа использует социальное неподобие. Как отмечает преп. Иосиф Волоцкий: "То, что мы узнаем из Св. Писания о Боге, не соответствует мере Божественного естества, но соответствует немощи слушающих" [15, с. 190]. При этом, естественно, требуется согласие власти Церкви учить и власти, управляющей социальным общением и взаимодействием. Единство и целостность разумения членом социума откровений истины требует в Византии симфонии властей. Таков тип словесности христианской общины в Византии. Результат соглашения последования воли Божией с законами социума нетрудно себе представить. (Для невнимательного читателя помещаем подсказку: цезарепапизм).

Претворение служения Богу в социальном теле – предмет не удобный для разумения. Явление силы слова происходит, когда при погружении ума в сердце открываются уста в радостном провозглашении воли Бога, то есть сердце изводит истину. Это возможно лишь в обращении нашей воли при покаянном призывании имени Господа Бога. Как это явление силы слова и власти истины может реализоваться в социальном взаимодействии? Другими словами, как возможно социальное восприятие этого явления,

то есть самодержавие? При переходе от одного к другому изменяется характер Богообщения и оправдания, мировосприятие человека. Присутствие одного в другом скорее выражено легендой о граде Китеже, который то возникает, то исчезает в волнах житейского моря.

Впрочем, в одном отношении ответ на поставленный вопрос прост. – Если есть кто-либо, совершивший это, то надо последовать за ним и посмотреть, как это совершалось. При описании следует фиксировать и соотносить два плана: явления силы слова и социальной словесности общения с целью установить законченный образ и смысл воплощения одного в другом.

Источники жизнеописания преп. Сергия крайне скудны. Практически все они восходят к "Житию преподобного и богоносного, отца нашего игумена Сергия чудотворца, написанному Епифанием Премудрым, добавленному записями Пахомия Логофета и Симона Азарьина". "Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца", составленное архимандритом Никоном (1885), "Преподобный Сергий Радонежский", составитель В. Корнюшин (1992), и другие представляют собой комментарии к исходному Житию, имея несомненно свою научную, историческую и культурную ценность.

Начало жития преп. Сергия ознаменовано чудом еще до рождения его. Когда ребенок еще был в утробе матери, однажды в воскресенье его мать пришла ко святой литургии. Младенец внезапно воскричал во утробе матери три раза: перед чтением Евангелия, в самом начале Херувимской песни и на "Святая святым!" [4, с. 14]). Мать его чуть не упала от сильного страха и начала тихо плакать. Остальные женщины стали спрашивать ее о ребенке, услышав "детский крик; на что Мария отвечала: "у меня нет ребенка", а кричал еще не родившийся. Все удивлялись – как может быть дарован голос младенцу до рождения, еще находящемуся в утробе ([4, с. 14–15], и "страшно было всем, слышавшим это" [4, с. 16].

Современники, люди скорее более чуткие к духовным явлениям, чем мы, поняли это так, что родившийся "будет сосудом избранным Бога, обителью и слугой Св. Троицы" [4, с. 18].

Будущий плод во утробе находится под влиянием материнских сил, совершает естественное развитие, положенное законами природы. Трикратное возгласение во чреве св. Марии указывало, что будущий ребенок уже находится под воздействием других сил. <...> Не родившийся ребенок не подает голоса. Он вскричал не на улице, или дома, но именно в храме и в определенные моменты богослужения, указывая на духовный характер

воздействия на себя, предзнаменуя будущие восхождения своего иерейского служения. В Житии приводятся слова псалмопевца применительно к случаю: "Зародыш мой (несоделанное мое) видели очи "Твои" (Пс 138, 16) и евангельские слова: "Потому что вы с начала со Мною" (Ин 15, 27), указывая на освящение будущего плода на литургии. Он ответил на свое освящение.

Итак, человек, который родится, явится миру, будет слугой Св. Троицы. Миру будет явлено возрастание служения Св. Троице, зывания и обращения к Триипостасному Богу. Мать его отдавала себе отчет в том, что освященное Богом следует отдать Ему в дар [4, с. 16]. Служение Св. Троице есть названное Божией благодатью, изначально благодатное служение.

Поэтому социум, который бы воспринял таковое явление благодати, должен быть определен ("зачат") и сформироваться в качестве воспринимающего зывания ко Св. Троице. Социум должен сформироваться в качестве устен зывания, или органа хваления Св. Троицы. В таковой своей словесности социум может воспринимать служение Триипостасному Богу.

Открытие устен и становление социума в качестве языка, восхваляющего три Ипостаси, возможно только в покаянном приближении к открывающимся тайнам, в отрицании за собой правды собственного существования. Лишь умалением и отрицанием собственной самости в молитвенных зываниях можно произвести то чудо, что в привычных словах воссияет свет неведомой прежде истины, откроются новые смыслы и человека охватит радость от исполнения силой слова.

Однако покаянное приближение к месту Богоглаголения (греч.: хора) опять-таки не может быть действием собственного произволения (задача как раз в том, чтобы избежать своего произвола). Таковым покаянным и словесным приближением может быть только приближение, направляемое умом, зывающим об Имени Бога. В противном случае покаяние обращается в собственное возвеличивание, посредством отрицания себя в конечных предметах словесности, но утверждению собственного имени как пребывающего и сохраняющегося в данном отрицании.

Эту задачу – руководства формированием органами словесностью социума Именем Господа, то есть преобразованием ее в Именах – выполняет самодержец (означающий умное начало). Князь Ярослав Мудрый, обучая сыновей царскому делу, говорил: "скачешь ли на коне, при переездах и в других ситуациях повторяй "Господи, помилуй".

Славянские племена, зародыш будущего русского этноса еще до крещения, совершили беспримерный в мировой истории акт – призвали на княжение варягов. Как, критически анализируя, ни относиться к данному событию, смысл не изменится: это отказ от своей туземной власти, от собственного старейшинства. Это суть утверждение власти не кровного, не родственно-свойского происхождения. Оставалось только, чтобы направляющее начало, приняв Крещение, обучилось и обвыкло призывать имя Бога. А в этом обращении к Имени появилось бы законодательство оправдания пред Господом: "Русская Правда". Принятие после Крещения социумом закона, возникшего не из собственного разума и не из мудрости легендарного законодателя, но посредством принятия образа служения Богу, свидетельствует об известной избранности будущего этноса, благодатности его рождения из совокупности племен.

И родившегося преп. Сергия "на сороковой день после рождения ребенка, родители принесли его в церковь Божию, отдавая, как и обещали, Богу, Даровавшему его" [4, с.16]. Священник Михаил, крестивший обильно принявшего от Святого Духа ребенка, сам осененный Божественным Духом, предугадал и поведал родителям об избранности младенца [4, с. 17–18]. "Этому ребенку подобало родиться с чудесным знамением, благодаря которому прочие люди поняли, что у удивительного мужа удивительны и зачатие, и рождение, и воспитание. Господь одарил его Своей благодатью больше, чем других новорожденных младенцев, и всеми этими знамениями преуказал Свой премудрый о нем Промысл" [4, с. 22].

В среду и пятницу он брал грудь и не пил коровьего молока, но отворачивался и оставался без еды в течение всего дня, а в прочие дни питался как обычно. При этом грудной младенец не плакал, не обнаруживал признаков болезни, но был весел, всячески радовался и играл ручками [4, с. 18]. Опять же, здесь проявилось взрослое воздержание, не свойственное грудным детям, но превышающее природные силы.

Он не принимал грудь от приходивших женщин-кормилиц. <...> Преп. Епифаний Премудрый пишет: "Нам же думается так: ребенок этот с детства был почитателем Господа, уже в материнской утробе и после рождения он навык богомыслию, от самых пеленок он познал Господа и воистину Его услышал; лежа в пеленках в колыбели, он привыкал к посту; питаясь материнским молоком, он вместе с вкушением этого плотского молока учился воздержанию; будучи возрастом младенец, он выше естества предназначал пощение; с младенчества он был питомцем "чистоты, вскормленный не столько молоком, сколько благочестием..." [4, с. 18–19].

Преп. Епифаний отмечает, что пост младенца был научением благочестию, чтобы познать Господа и услышать Его во истине. Исходным мотивом поста по словам свт. Иннокентия, архиеп. Херсонского и Таврического является мысль о страшном суде Божиим [16, с. 13]. Принятие и исповедование судов Божих о себе человеку уместно начинать с обуздания плоти, телесных причин душевных страстей. Душа человека как бы пересматривает по очереди, или в другой какой последовательности, телесные причины своих страстей, чтобы определить, кому она мысленно подчинилась, что или кто главенствует ею. Это и является предметом словесности социума.

В русском социуме этому соответствует перемена князей по принципу старейшего в роде, заканчивающаяся поражением от татар и подчинением социального тела. Опять-таки, ярлык на великое княжение принимается из чужих рук. Св. благоверный князь Александр Невский подводит черту под испытаниями начал в служении социума: "Бог – не в силе, а в правде". Он же совершает решающий шаг для русского самодержца. Признав мирским владыкою монгольского хана, по победе, дарованной ему от Бога, он сохраняет верность православию. Поскольку для агарян достоверность правды определяется социумом, хана это удовлетворило. Хотя многие князья еще заплатились головой за утверждение этого разделения Господа правды от миронаачальников.

Отныне самодержец есть также и исповедник правды православия, он – благоверный князь. Отношения с Ордой принимают другой характер, нежели тотальное подчинение победителю. Соответственно, происходило всенародное очищение от смещения правды Божией с мирской, силы и премудрости свыше от власти социальной. А сам социум приучался усматривать начала и причины своего бытия не в самом себе, но в правде свыше. – Закон Божий был социальным образом отделен от закона социального.

В семилетнем возрасте отрока отдали учиться грамоте. Его братья "Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не сразу овладел чтением, но учился медленно и плохо... За это его часто бранили родители и строго наказывал учитель, а товарищи укоряли. Отрок наедине часто со слезами молился Богу, говоря: "Господи! Дай мне выучить грамоту, научи и вразуми меня" [4, с. 23]. Конечно, трудно предположить, что отрок, отмеченный столькими предзнаменованиями и явной благодатью Св. Духа, не может учиться из-за лености, болезни и т.п. К тому же нерадивые ученики не плачут о том, чтобы им открылись источники Божественного разума.

"Этот благодатный отрок, от самых пеленок познавший и возлюбивший Бога и Богом спасенный, был достоин духовных дарований" [6]. "По смотрению Божию нужно было, чтобы книжное знание он получил от Бога, а не от людей, что и сбылось" [4, с. 23].

Блаженный отрок был послан отцом искать заблудившихся жеребят и встретил Ангела в виде монаха саном пресвитера. Старец помолился об его учении и преподал ему просфору: "Открой уста свои, чадо, возьми и съешь – это тебе дается в знамение благодати Божией и понимания Священного Писания. Хоть и маленькой кажется частица, которую я тебе даю, но велика сладость вкушения от нее" [4, с. 25]. С сего священнодействия даровано ему было знание грамоты и понимания священных книг. Ангел в виде старца напоследок беседы с родителями промолвил: "Сын ваш будет обителем Св. Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божественных заповедей" [4, с. 27].

Обращает на себя внимание параллель с ветхозаветным сюжетом о первом царе Израиля Сауле (1 Цар 9, 1–10), который был послан отцом искать заблудившихся ослят и был помазан на царство. Блаженный отрок получил приобщение к Божественной грамоте, пониманию Писания и Божественных заповедей, что означает царское предизбрание, так как навывший грамоте может услышать и уразумевать нечто новое, что не дано другим людям. Ибо он не стал учиться подобно нам: исходя из своего житейского опыта, опыта своих учителей или родителей различать предметы окружающего мира, устанавливая между ними соотношения и т.п. и на этом основании приобретать познания и получать определенную свободу действия в этом мире. – Нет. Он воздерживался от такового обучения (как в среду и пятницу воздерживался от материнского молока), дождался ангела и приобщения к чтению и разумению истин Божественного писания. "Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше меда устам моим" (Пс 118, 103). После ухода старца отрок внезапно постиг всю грамоту и какую бы книгу он не раскрыл, – хорошо читал и понимал ее [4, с. 27].

Этим назнаменовано приведение русского социума к пониманию Божественных заповедей и установлений. Понимать – значит уметь воспроизвести в себе самом, в поведении и в процессе общения писанные законоположения. Социум так научился различать предметы своей деятельности и связывать их между собою, что осуществлялось возможностью понимания мира в Божественных законоположениях. Слово Божие стало пронизывать мир в деятельности людей, а Божественный закон стал ценностью социального миробытия.

В функции самодержца здесь выпадает оценка происходящего с точки зрения Божественного закона. С этой позиции он должен "прочувствовать", воспринимать происходящее. Иначе говоря, происходит привнесение (или, наоборот, выявления) смысла социального взаимодействия людей относительно Закона.

В отрочестве преп. Сергей "будучи молод телом, проявил разум старца... он начал строго поститься и от всего воздерживался, в среду и пятницу ничего не ел, а в прочие дни питался хлебом и водой; по ночам святой часто бодрствовал и молился. Так вселилась в него благодать Св. Духа" [4, с. 27]. Мать по любви отговаривала его от столь строгого воздержания, ссылаясь на то, что он не достиг еще зрелости. Но отрок, вспоминая, что говорили ему о знамениях, бывших с ним от Господа, еще более упражнялся в славословии Бога, не пропускал заутреню, литургию, читал священные книги. Он возрастал и укреплялся в страхе Божиим: не участвовал в забавах и играх детей, бездельникам и суетным людям не внимал, со сквернословыми и насмешниками не имел общения [4, с. 28].

Возрастанием и укреплением в страхе Божиим означает то состояние человеческого общения, когда ценностная позиция перешла в реальную жизнь, когда закон Божий стал ориентиром деятельности. Существование человека получило твердое внутреннее основание, а его труд служит укреплению и упрочению социального строения. По-видимому, это состояние социума можно соотнести с подъемом народной и государственной жизни на Руси на совершенно новых началах, чем до татаро-монгольского нашествия. Межусобица и споры о старшинстве князей сменились стремлением построить прочное жизнеустройство, в правило входит руководствоваться нормами справедливости и чувством ответственности перед Господом Богом. Здесь достаточно вспомнить о преподобном князе Данииле Московском, княжеское служение которого плавно переходит в иноческое послушание.

Перестройкой социума на новых ценностных и нравственных основаниях может руководить только такой властелин, который может узреть новые измерения социального бытия, почувствовать радость и спокойную уверенность в избрании путей справедливости пред Господом. Формируется новый образ Социума – образ устройства его на началах справедливости относительно Божественного закона, то есть на началах не свойственных самому социуму.

Блаженный юноша Варфоломей по преставлении родителей вместе со старшим братом Стефаном оставив родительский дом, нашли одно пустынное место и поселились там для иноческих подвигов. Сначала братья сделали себе хижину, потом построили

келью и срубили небольшую церковку [4, с. 33]. По смирению и желая открыть волю Божию, Варфоломей спрашивает брата, в честь кого будет освящена церковь. Стефан, зная и помня предсказания, что его брат будет учеником Св. Троицы, и не только сам будет благочестиво веровать, но и многих других соберет и научит веровать в Св. Троицу, не сомневался, что Божие изволение есть на освящение церкви во имя Святой Троицы [4, с. 34–35]. Далее пути братьев разошлись. "Один решил подвизаться в городском монастыре, другой же пустыню сделал подобно городу" [4, с. 36].

Удаление в пустынное место, строительство там жилья и освящение храма полагает собой и начало строительства нового социального устройства согласно образу высшей справедливости. Образ этот начинает воплощаться, когда прославляется имя Св. Троицы, когда явлена благодать Бога Отца, милость Сына Божия и споспешение Св. Духа. Новое устройство заключается в том, что отбираются ростки, факты духовного возрастания людей, то есть факты проявления милости Божией к людям, а затем собирается, объединяется земля по признаку приношения благодатных плодов. То есть навык в считывании Божественных заповедей, перешедший в закон деятельности человека, приводит к избирательному, целенаправленному появлению новых людей, как укрепившихся в заповедях и как творцов законов правды. Появление и рост новых членов социума, новых плодов есть в то же время и объединение земли, почвы для их появления и возрастания. Данному этапу в становлении русского этноса можно поставить в соответствие соби́рание земель вокруг Москвы и укрепление Московского государства. Соби́рание и укрепление благочестием. Как писал преп. Иосиф Волоцкий – "Русская земля всех превзошла благочестием, еретика же или нечестивого никто и нигде не видел более 400 лет" [15, с. 23].

Начало, властвующее над возрастанием избранных членов социума, получает, наконец, возможность укрепиться в самих этих членах, получает, наконец, свое место на "объединенной земле", то есть в сердце новой общности. И это начало должно явить себя.

Преподобный отец наш изучил весь монастырский устав, монашеский порядок и все прочее, что требуется монахам. Со слезами он молился Богу, дабы сподобиться ангельского образа и приобщения к лику иночествующих. Поэтому он позвал к себе в пустыньку игумена по имени Митрофан, который постриг его в ангельский образ в седьмой день месяца октября на память святых мучеников Сергия и Вакха [4, с. 36–37]. Когда после чина пострига Сергий причастился Святых Тайн, вся церковь внезапно

наполнилась благоуханием, которое ощущалось не только в церкви, но и вокруг нее [4, с. 38].

Он был первый инок в том месте, положивший начало иноческим подвигам и ставший образцом для всех остальных насельников той обители. Он сошел с себя ветхого человека и облекся в нового. Попросту говоря, он разорвал все узы мирские, и, как орел, влетевший на высоту воздушную, покинул мир и все мирское. Блаженный находился в церкви семь дней, ничего не вкушая, кроме просфоры из рук игумена; от всего отстранившись, пребывал в непрестанном посте и молитве [4, с. 38].

Монах совершает отстранение от плотского и мирского существования. Он должен войти в покой слова, исихию, чтобы пребывать вне словесной брани, которая возникает, если человек не считает в себе и в своем миробытии словеса истины. Монах должен войти в совершенного человека, то есть такое восприятие и вместилище благодатных сил слова Божия, которое есть совершенное, а именно: ангельское служение Господу Богу. Такое пребывание в словесном покое и в славе и силе предстояния пред Господа есть многословущее "радуйся" акафиста. Совершенство христианина и состоит в этом приближении к престолу славы Господа, которое означает, что Господь приемлет служение человека и возводит в соответствующее достоинство. Тогда его прошения и молитвы будут услышаны, а в его служении будут явлены преизбыточествующие силы и блага. И человек вместе с Псалмопевцем воскликнет: "Тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов" (Пс 50, 21). Ибо и тело человеческое преобразится в других силах и свете, нежели данных ему от природы.

Совершенство как совершенство служения Господу Богу есть откровение подобия человека, вложенного в него Творцом.

Совершенство человека в исламе мыслится исключительно как совершенство образа, из-за чего подчинение воле Аллаха приобретает гордыню самосозерцания и одновременно прагматизм в виде джихада, то есть устранения врагов мусульманской общины, устранения инаковости себе. "Совершенный человек, по формулировке Ибн Араби, – "Перешеек" (барзах) между Богом и Универсумом, "соединяющий Божественные реальности, то есть Имена Бога, и сотворенные реальности". Он является Совокупным Словом (аль-калима аль-джамийа), включающим в себя все слова Бога, то есть все существо... Безупречное зеркало, в котором Бог созерцает себя, и есть строго говоря, сам Пророк. Но в той "последней трети ночи", в которую вошло мироздание со смертью Мухаммеда, остается до окончания веков Совершенный человек в лице святых (авлия) –

наследников Пророка" [17, с. 200]. Для суфизма воспроизводство моделей святости в лице 124 тыс. пророков является конечной целью жизни. "Именно с помощью этой бесконечной игры зеркал Совершенный человек и его наследники осуществляют функцию, возложенную на род человеческий в те времена, когда "Адам еще был прахом и водой" [17, с. 216]. Идеальное зеркало – любимый образ суфиев, – безупречно отражающий мироздание и есть нарциссизм самолюбования, возвешение "смерти Бога". Все восточные культы, как и "религии закона", можно охарактеризовать как служение мертвых Божеству смерти.

Если монах стремится достигнуть совершенного служения Господу, то на социум и этнос такие задачи возлагать бессмысленно (если ты, конечно, не восточный эзотерик и не протестант и с головой все в порядке). На этом этапе синхронизм движений взыскующего истинного служения Господу и социальной общины пропадает. – Социум может только продолжать записывать в себе законы истины и усваивать благодатное содержание предписываемой ему деятельности. Поэтому общность объединенных и ценностно (нравственно) действующих людей может двигаться там (в служении истине), где нет действительно ее бытия, только принося свои начатки (ростки благодати и крепости) в жертву, посвящая их через предстательство монахов ("совершенных") Богу и освящая в духовных возношениях тех, кто имеет совершенное служение.

Начать приносить и посвящать результаты человеческой деятельности Богу возможно, если в социальном виде явлен, находит воплощение самодержавный ум человека. То есть, прежде чем действовать и пребывать в сердце, ум начинает обнаруживаться (если имеется достойный руководитель) человеком через совокупное тело социума и во взаимодействии его членов. Этот тонкий момент аскетики и лежит в основании воплощения самодержавности. В русской истории этому отвечает установление царского самодержавия. А царизм выступает в качестве школы возрастания служения Богу и обретения самодержавия духа. Собственно, только этим путем достигается духовное единство "совершенных" и членов материнского социума.

Период "скрытого" латентного царства закончился, и оно явилось в своей силе, то есть независимо от социума. Соответственно, социум пребывает в отстраненном от себя состоянии, он начинает наблюдать за собой, видеть злобу дел своих и учится превозмогать себя. Л.А.Тихомиров, переживший перерождение из социалиста в монархиста, замечает, в этой связи: "Идея же монархической верховной власти состоит не в том, чтобы выражать собственную волю монарха, основанную на мнении нации, а в том, чтобы выражать народный дух, народный идеал, то есть... выражать то, что думала бы и

хотела бы нация, если бы стояла на высоте своей собственной идеи. Если бы "земля" способна была стоять на такой высоте, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народов" [18, с. 148]. – Мысль понятна, хотя история далеко не всегда может вместить чистоту теории. Царь Иван Грозный замечал, что владение многих подобно "женскому безумию" [45, с. 96].

Принявшему постриг преп. Сергию "можно было дать больше двадцати лет по внешнему виду, но более ста лет по остроте ума, ибо хотя он был молод телом, но духовным разумом он был стар и совершенен, по Божественной благодати" [4, с. 40]. В третьей паремии святителям читаем: "возраст старости, житие нескверное". После ста лет праотец Авраам приносит долгожданный плод зрелости – обетованного от Св. Троицы у Мамврийского дуба наследника.

После ухода игумена Митрофана преп. Сергей подвизался в пустыне, живя в одиночестве. Какой язык сможет передать желания святого, его рвение, любовь к Богу, тайную доблесть его подвига? Возвышаясь над всеми бедами бесстрашной душой и отважным сердцем, Сергей умом оставался спокоен, не ужасался вражеским козням, свирепым хитростям и нападениям [4, с. 40].

Однажды преп. Сергей ночью вошел в церковь, собираясь петь заутреню. Внезапно стена церкви расступилась и вошел видимым образом сам диавол со множеством воин бесовских в литовских одеждах. Скрежеща зубами и желая убить его, они говорили: "Беги, уходи отсюда, не мы напали на тебя, но скорее ты напал на нас. Не быть тебе живым". Преп. Сергей, вооружась молитвой к Богу, именем Св. Троицы, имея помощницей и заступницей Святую Богородицу, а вместо оружия – честной Крест Христов, поразил диавола, как Давид Голиафа [4, с. 41].

Преподобный, видя, что Господь охраняет его своей благодатью, прославлял днем и ночью Бога, не позволяющего грешным попираť жребий праведных, не посылающего искушений сверх меры. В своем уединении святой возлюбил одному лишь Богу приносить частые, усердные и сокровенные молитвы, с одним лишь Богом беседовать, к Вышнему и Вездесущему прилепляться всеми помыслами, к Нему одному приближаться и от Него просвещаться благодатью [4, с. 45].

Посвящение себя Господу Богу неизменно сопровождается бесовскими нападениями. И на Московское государство Божиим попущением воздвигались нападения многочисленных врагов, чтобы народ приучался побеждать помощью свыше. Преподобный благословил великого князя, благоверного Дмитрия Донского на битву с Мамаем. Увидев великую силу татарского войска и его многочисленность, русские

остановились в сомнении, не зная, что делать и страх охватил многих. Неожиданно в это время прибыл скороход от святого с посланием: "Господин мой, смело вступай в бой со свирепым врагом, ... помощь Божия будет во всем с тобою". Окаянные увидели обращенный против них Божий гнев и ярость, и все обратились в бегство [4, с. 96]. Во время боя святой предстоял с братией на молитве о победе, называл по именам павших русских воинов, находясь в расстоянии многих дней ходьбы, и приносил за них заупокойные молитвы [4, с. 97].

За этой победой, совершенной чудной Божией помощью, последовали и другие, не менее чудесные. Можно сказать, что открывается закономерное для российского оружия обращение к заступлению свыше, к предстательству и помощи Божией Матери и святых покровителей земли, которое распространяется на весь исторический период формирования и развития царского самодержавия. И начало этого периода уместно совместить с датой Куликовской битвы, а конец – со второй половиной XIX века, с возникновением предреволюционной ситуации. В связи с этим заметим, что историю российского государства в период действующей царской власти нельзя рассматривать в качестве совокупности или последовательности отдельных событий. Напротив, в значимых событиях следует усматривать обнаружение, проявление действия еще одной последовательности однородных событий, лучше сказать, еще одной организованности событий. Тогда история царского владычества предстает как сочетание различных организованностей (цепочек) событий в некотором едином организме или социальном теле как органе словесного служения Господу Богу. При этом нужно погружаться в специальную работу историка по вычленению существенных и значимых организованностей событий, что лежит за пределами задач данной работы. (В качестве попыток такого рода можно указать на Историю Карамзина как рассмотрение монархического начала, на историю Ключевского как анализ возрастания социального организма, на историю с точки зрения развития экономических отношений и т.п.). Поэтому в дальнейшем не будет производиться специальное соотнесение с историческими фактами, но внимание будет уделяться лишь появляющимся свойствам (строго говоря, дескрипторам, или отличительным характеристикам) в социальном и монархическом служении.

Социум, познавший радость побед, приобретает независимость от внешнего подчинения и утверждает начало собственной государственности. Лев Тихомиров приводит такое обоснование государственности: "Подчинение условиям природным составляет неизбежный удел существ, не одаренных безграничными силами. Создавая

государство, мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся самим себе, подчиняемся тому, что сами сознаем необходимым, то есть выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем независимость, первое условие действительной свободы. Идеал без государственности, наоборот, вместо подчинения людям самим себе влечет их к силам вне их находящимся. Сверх того, как сила сознательная государство всегда возьмет верх над силами внешними, бессознательными, хотя бы и люди не задавались такой целью. Торжество государственности, поэтому, всегда неизбежно..." [18, с. 39].

Самодержавие с этой позиции следует охарактеризовать как суверенное начало, причем истинная суверенность достигается не собственными силами, но Божественным заступлением. Суверенный представитель народа в стяжании помощи свыше. Представительская, или репрезентативная, власть отправляется самодержцем. И нет нужды приписывать эти функции Церкви, в чем упорствует католицизм. И суть этого представления народа состоит в покаянном предстоянии пред Господом Богом, а не в стремлении заменить своей властью и власть социальную.

Через некоторое время, с тех пор как преп. Сергей начал один иночествовать в пустыне, Господь вложил в сердца некоторым богобоязненным монахам приходить к святому. После испытания преподобный убедился в их вере и усердии и словами Спасителя сказал: "Приходящего ко Мне не изгоню вон" (Ин 6, 37) и "Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреде них" (Мф 18, 20). Если Богу угодно, чтобы на этом месте был монастырь и собрались многие братья, да будет воля Господня [4, с. 46]!

Трудами преп. Сергея и его святых учеников была воздвигнута Лавра и весь север и восток Руси покрыт монастырями. Многочисленные монахи не только учились послушанию воле Господа, но и воспитывали весь народ. Подчеркнем, именно монашеское влияние и руководство заложило основы русской духовности и нравственного устройства социума. Монашеским "экспериментированием на самих себе" были отобраны и внедрены в народное бытие ценности и предпочтения личного совершенства, обозначены опасности и вехи побед, открылось внесоциальное и внемирское измерение жизни.

На этом основании была построена структура взаимного подчинения в социуме, согласование частной воли и верховной власти, управления государством. К этим основаниям апеллировали и царь Иван Грозный и его оппоненты, на них через перипетии петровского времени и абсолютистские отклонения создавался государственный и общественный порядок.

Духовно-нравственная основа подчинения частной воли верховной создает предпосылки и условия руководства социумом, организации управления им. Если социумом нужно управлять на основе его потребностей, то это должны быть духовные потребности. Лишь в этом случае суверен (*souverain*), олицетворяющий верховную власть, не смешивается с правителем (*gouvernement*). Опять сошлемся на Л.А. Тихомирова: "Нигде и никогда верховная власть не бывает сложной; она всегда проста и основана на одном из трех вечных принципов: монархии, аристократии или демократии. Наоборот, в управлении никогда не действует какой-либо один из принципов, но замечается всегда одновременное присутствие всех их, так или иначе организуемых верховною властью" [18, с. 52]. В этой связи очевидно, что нет нужды сводить функции Церкви к функциям руководства (*governance*) и наставления, что характерно для Византии. Также нет нужды представлять взаимоотношение двух властей только в парадигме их симфонии.

Преп. Сергей, живя с братьями, терпел многие лишения и совершал великие подвиги и труды постничества. Добродетели его были таковы: голод, жажда, бдение, сухоядение, сон на земле, чистота душевная и телесная, молчание уст, умерщвление плотских желаний, труды телесные, смирение нелицемерное, непрестанная молитва, благоразумие, совершенная любовь, бедность в одежде, память о смерти, кротость с тихостию, постоянный страх Божий. Он научился искусно обороняться против бесовских нападений: как только бесы хотели порушить его стрелами греха, преподобный пускал в них стрелы чистоты [4, с. 48]. Добродетелями преподобный прославлял Бога, восходя душою "въ Сион горний, к Царю Небесному" (акафист преп. Сергию, икос. 11), делая свою земную обитель небесным жилищем. Дерзновенное восхождение преподобного к высотам жизни человека оставило вехи и образцы подражания для многих поколений монахов.

Преподобный усердно служил своей братии, как купленный раб: колол для всех дрова, толоч и молоч жерновами зерно, пек хлеб, кроил и шил для братии обувь и одежду, носил воду из источника и ставил у каждой кельи [4, с. 50].

В социальной жизни также культивируется стремление к подвигу, возвышенное самопожертвование, овладение добродетелями общественного бытия и т.п. Развитие социума состоит в организации атмосферы соревнования в добродетели, в *управляемой*, подчеркнем специально, олимпиаде социального бытия и побед над последним. Социум как сам порождает победы над самим собою, превозмогал себя об имени Господнем в индивидуальных достижениях своих сограждан. – Ибо управляется деятельность индивидов, но подчиняются они верховной власти в лице самодержца; чин подчинения

индивидов не составляет прерогативу управления. Это разделение, а точнее, не смешивание разных по своей природе властей и создает перспективу личного подвига, социальной "жертвенности".

В задачи самодержца входит выделение образцов добродетели и подвига для придания им статуса социально-значимой ценности, примера для подражания. Также необходимо экстраординарное помилование, которым самодержец освобождает от наказания повинных социальному закону, но сохранивших внутреннюю правду.

Таким образом, самодержец придает легитимность структурным изменениям и перестройке социального бытия.

Законность структурной перестройки социума должна быть выявлена и удостоверена перед всем народом, чтобы он смог принять ее. Огрубляя дело, скажем, чтобы отсечь и отбросить старое социальное бытие, народу должна быть явлена новая социальная правда. Понятно, что народ (и социум) не может убить себя для явления нового своего бытия. Иначе, зачем вообще это выявление, если того, кому это предназначено, уже нет.

Поэтому, чтобы совершить такой смертельный оборот, должно быть преодолено социальное разделение социума и весь этнос – все сословия без исключения – далее освятить перестройку, перевести ее в священный план, то есть сделать ее законной с позиций Божественной правды. Если таковой процесс возглавляют люди духовные, а еще лучше – монахи, которые уже совершили в своей жизни отсечение социального и обрели мертвенность для мира, тогда, если уж не успех, то, по крайней мере, законность дела обеспечивается.

В жизни преп. Сергия этому соответствуют мольбы братии, чтобы он стал их игуменом и наставником: "Отче! Мы не можем жить без игумена!... мы очень хотим, чтобы ты был нашим игуменом и наставником душ и тел, чтобы мы приходили к тебе с покаянием исповедоваться в своих грехах; хотим каждый день получать от тебя прощение, благословение и молитву и видеть как ты ежедневно совершаешь святую литургию; хотим причащаться Пречистых Тайн из честных твоих рук" [4, с. 51].

Преподобный отказывается, но под угрозой ухода братии из монастыря, проявляет сочувствие к ним и предлагает какой-то период посвятить молитве, чтобы открылась Божественная воля по данному вопросу. После этого братия снова просит принять игуменство, а святой отказывается: "Кто я, чтобы посметь дерзнуть на такое служение, пред которым со страхом и трепетом преклоняются и самые ангелы" [4, с. 51]. Далее

чередование молитв об открытии воли Господней и просьбы к преп. Сергию повторяются несколько раз. Наконец, разрешение предоставляется в руки епископа, который, исполнившись Святого Духа, сказал: "да будешь ты отныне и игуменом братии, собранной Богом в обители Святой Троицы" [4, с. 53]. По послушанию епископу преп. Сергию пришлось согласиться.

Специфика подобных ситуаций в том, что меняется обычный порядок подчинения, а верховная власть не в праве проявить свою волю. Социум перестает считать в себе оправдания и законы для своей деятельности, а верховная власть обречена на молчание. Если моление ко Господу совершается достойно, то есть прошение освящается, то разрешение ситуации вскоре имеет место.

Российская история заполнена многочисленными примерами такого обращения привычного порядка власти. Это и ситуация с княжескими межусобицами, и опричнина Ивана Грозного с последующим "смутным временем" и польским нашествием, и Петровские реформы, и т.д. Как говорится, в истории все равно в любых ситуациях совершается предначертанное Промыслом Божиим, но на каком уровне и с каким достоинством совершается это, зависит от этноса, так же, как и то, когда историю придется оборвать. С ветхозаветных времен перестроечная ситуация предполагает очищение, избрание (определение и выбор) носителя нового бытия и процедуру вхождения в новое (новое прочтение Божественных оправданий). Вне контекста этой проблематики освящения (возобновления храма служения) этноса трудно понять, например, и историю об избиении левитами своего народа после слияния золотого тельца, и историю о призвании новгородцев для спасения Москвы и последующего выбора царя.

Епископ Афанасий "рукоположил Сергия в священнический сан и повелел ему совершить святую литургию и своими руками принести Бескровную жертву. Преподобный отец Сергий исполнил все повеления со страхом и духовной радостью" [4, с. 53]. Он сам стал жертвой Господу Богу, принесенной во спасение братии. Отныне преп. Сергию было вручено предводительство Божиим воинством на том месте, быть истинным игуменом, сторожем, пастырем и врачом духовной братии [4, с. 54–55]. Епископ наставил преподобного в правилах апостольских и святоотеческого учения: "Следует тебе... немощи немощных носить, а не себе угождать. Во благо ближнему каждый угождать должен (Рим 15, 1)... Друг друга бремя носите и таким образом исполните закон Христов (Гал 6, 2). Поступая так, ты спасешь и себя, и живущих с тобой" [4, с. 53–54].

Из этого следует, что истинное игуменство, водительство братии по правилам Божественного руководства совершается как бы обратным порядком служения, обращения обычного чина послушания и исполнения предписываемого. В том числе и освящение социальной перестройки, обращение к водительству Божественной воли переменяет привычный порядок и чин власти в целях построения нового.

Поскольку народ (и социум) не может узаконить свою перестройку, отказавшись от своего бытия для откровения новой правды, то пожертвовать собой в качестве жертвы законной выпадает на долю самодержца. Царь – фигура смертная, и в этом его высшее предназначение. Жертвой царя становится действительное избранничество народа во служение Господу, уделение Ему своего (Своего).

Преподобный отец наш Сергей почитается как игумен, староста Русской земли. Раньше на долю старосты выпадало следить за порядком, распределять земельные наделы членам общины и т.д., то есть управлять производством и получением плодов от земли. Преп. Сергей стяжал нам Небесный удел. – То, как мы предстаем своему Господу, совершаем Ему служение, как вопрошаем о благодати и получаем ее, и т.п. Он и его святые ученики и сотрудники практически определили, как испрашивается умилоствление у Бога, как приносится словесная жертва народа через своих святых заступников и то достоинство, каким награждается Русская земля в результате своего служения. Коротко говоря, они определили, какие плоды должны произрастать и приноситься в дар своему Господу. Через их заступничество и посредничество совершается отделение в этих плодах чистого от нечистого, достождного от социального, чтоб не услышать: "если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит" (Быт 4, 7). В этом назначение "обратного" игуменского водительства и обращения пасомых на правильные стези".

Народ, получив освящающего его труды игумена, приобретает иные горизонты и измерения своего бытия. Социальное взаимодействие перестает быть переплетением различных организованностей доброделания и соревнования в доблестях. Благодаря освящающему труды игуменству возможно, наконец, отделить социальные начала в служении Богу и вступить в область собственно словесного служения. Последнее заключается в том, что конкретному индивиду, персонально усвоается власть (сила) словесного бытия в его ученичестве Христу под водительством игумена. Народ обучается словесности, то есть его представителям открываются перспективы личного служения Богу через заступничество уже преуспевших в этом. Этнос (язык) в лице его членов получает право на выделение предметов из окружающей действительности

(денотировать), поставлять эти предметы в те или иные отношения и связи (создавать систему коннотатов) и проявлять себя, конкретного индивида в качестве ответчика (нотата) за совершенное семиотическое творчество. Социум приобретает при этом популятивные характеристики, наподобие взаимодействия различных артелей или товариществ в дореволюционной России. Этим агарянство окончательно преодолено, ибо нужды в социальной апробации нет. Служение человека Господу Богу, открывая "вертикальную перспективу", является открытием образов истины своей природы, образов всечеловеческого существования в контексте научения ответам за свою деятельность.

Научение ответственности за свои дела и принятие ее и есть освященное истинное послушание. Оно, особо подчеркнем, возможно лишь благодаря небесному заступничеству уже получивших достоинство словесного служения Богу и разрешившихся от телесных уз представителей этноса.

Обретение достоинства словесного предстояния и служения Богу и есть "русская идея" от преп. Сергия, совершителя и священнодействителя наших душ на этом пути. А вышеприведенные этапы возрастания его в игумена земли Русской и, что то же, этапы возрождения, возобновления служения и послушничества воле Божией становятся критериями и параметрами правильности словесного обращения и взывания к Господу. Итак, "русская идея" есть принцип освящения своего миробытия познанием и послушанием воли Божией. "Святы их во истину твою: слово Твое истина есть" (Ин 17, 17). Средством достижения этого выступает организация монашеского поиска и обретения заступления и утверждения своего миробытия свыше.

В молитвах чинопоследования службы преп. Сергию можно выделить прямой акцент на его заступлении в отделении мирского и социального моментов в стяжания истинного служения Господу: "О священная главо! Еще на земли во обитель Св. Троицы душу твою устроивый, и ангельского общения и Пресвятыя Богородицы посещения сподобивыйся, небесныя силы приобщивыйся. Помяни стадо свое и не забуди посещати чад своих. Не отступай от нас духом, сохраняя нас от стрел вражеских, и всякия прелести бесовския, и козней диавольских. Ведущее бот я воистину и по смерти жива суца, тебе молимся о пользе душ наших, к земли приверженных возведи к высоте небесной. Но к тебе, яко нам сродному, прибегаем и взываем, настави нас ходити путем твоим, вразуми и руководствуй". (Молитвы 1-я, 2-я, 3-я). Великое "дарование Божие людям, данное свыше по человеколюбию, – священство и царство: одно служит Богу, другое, властвуя, печется о человеческом" [15, с. 323]. К этому остается лишь добавить: дай нам, Господи, разум и научи не путать первое со вторым по молитвам и заступничеству преподобного отца

нашего Сергия, чтобы не лишиться самодержавия Духа Твоего, чтобы освящать наше миробытие послушанием воли Божией.

Список литературы:

1. *Г. Прошин*. Второе крещение // Как была крещена Русь. – М., 1986.
2. *В. Блосс*. История французской революции. – Петр., 1919.
3. *Толстой М.В.* История церкви. – М., 1862.
4. Житие и чудеса преподобного Сергия, игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. Пер. на рус. язык. – Сергиев Посад, 2001
5. *Журавский А.В.* Ислам в христианской мысли // Восток. – 1995. – №3.
6. *Миропиев М.А.* О положении русских инородцев. – Спб., 1901.
7. Ислам в политической жизни стран современного Ближнего и Среднего Востока. – Ереван, 1986.
8. *Tessler M.* A History of the Israeli-Palestinian conflict. – Bloomington, Indianapolis, 1994.
9. *Соколов В.* Оступил ли святитель Игнатий (Брянчанинов) от святоотеческой традиции в учении о послушании? // Православная Москва. – 21-22.11.2002. – С.4.
10. Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль сер. XX в. – Спб., 1994.
11. Фигуры Танатоса. Вып. 3. Тема смерти в духовном опыте человечества: материалы международной конференции. – Спб., 1993.
12. Risk, Environmental and Modernity. Toward a new Ecology. – London, 1996.
13. *Ларуш Л.Х.*, млад. Вы на самом деле хотели бы все знать по экономике? – Б.М., 1992.
14. *Лысенко В.Г.* Будда как личность или личность в буддизме. В кн.: Бог - человек – общество в традиционных культурах Востока. – М., 1993.
15. *преп. Иосиф Волоцкий*. Просветитель. – М., 1993.
16. *свт. Иннокентий, архиеп. Херсонский и Таврический*. Великий пост. – Минск, 2001.
17. *Шодкевич М.* Модели совершенства в исламе и мусульманские святые. В кн.: Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. – М., 1993.
18. *Тихомиров Л.А.* Единоличная власть как принцип государственного строения. – М., 1993.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. С. Ефшкин «Преподобный Сергей Радонежский. Пустынничество. Весна» (холст/масло 80см x 60см 1998 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://artnow.ru/ru/gallery/3/27429/picture/0/650256.html> (дата обращения: 25.03.2014).

Ил. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://vanteev.ya.ru/replies.xml?item_no=1172 (дата обращения: 25.03.2014).

Источник: *Культура в современном мире. — 2014. — № 1. — [Электронный ресурс]. —*
Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>